Татьяна УСТИНОВА
Павел АСТАХОВ

ДЕЛА СУДЕБНЫЕ

КВАРТИРА В РАЮ

Дела судебные

Татьяна Устинова

Квартира в раю

«Эксмо»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Квартира в раю / Т. В. Устинова — «Эксмо», 2023 — (Дела судебные)

ISBN 978-5-04-193878-9

Новый остросюжетный роман Татьяны Устиновой и Павла Астахова из авторского цикла «Дела судебные» – это увлекательное чтение, где житейские истории переплетаются с судебными делами. У Елены Кузнецовой скоро день рождения, притом юбилей. Любимый мужчина преподносит царский подарок – квартиру. Да и любимая сестра Натка теперь тоже с новой жилплощадью. Не придется ли строгой и неподкупной Елене Кузнецовой поступиться своими принципами?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-193878-9

© Устинова Т. В., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 30

Татьяна Витальевна Устинова, Павел Алексеевич Астахов Квартира в раю

© Астахов П., Устинова Т., 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Любой человек, достигший сорокалетия, так или иначе начинает подводить некоторые жизненные итоги. Я всегда была уверена, что избегу подобной пошлости. В конце концов, сорок – это всего лишь цифра в паспорте, не более того. И все же, чем ближе становился день моего юбилея, тем чаще в голову лезли глупые мысли на тему: «А чего добилась ты?»

Если честно, я не знала, как ответить на этот вопрос даже самой себе. В моем жизненном багаже есть неплохая карьера и уважаемая должность судьи гражданского состава Таганского районного суда. Тот, кто сдавал квалификационный экзамен, знает, каким трудом это дается и каким усердием потом отрабатывается. Я – судья, но именно моя любимая, но тяжелая и выматывающая работа фактически на долгие годы лишила меня личной жизни и полноценной семьи. Как говорит моя подруга Машка, нормальные мужики с судьями не живут. Действительно, мало кому понравится, когда супруга с утра до вечера сидит в заседаниях, а потом до глубокой ночи и по выходным занимается документальной частью работы.

Так что муж и семейная жизнь у меня в графе с жирным минусом сверху. Зато к несомненным плюсам можно отнести то, что у меня есть замечательная дочь. Сашка – студентка, сдавшая на «отлично» зимнюю сессию, и блогер, зарабатывающий в месяц сумму, вполне сопоставимую с зарплатой федерального судьи. И хотя, как человек старомодный, я вижу в этом что-то объективно неправильное, субъективно за свою дочь, разумеется, рада.

Иногда, нечасто, я думаю, какими были бы мои другие дети, если бы я их родила. Тоже умненькими или попроще? Вторая девочка или сыночек? Какого цвета были бы глазки, кудрявые или прямые волосы, любили бы они читать или гоняли в футбол и мечтали прыгнуть с парашютом. Как правило, всегда, когда я об этом думаю, мне становится грустно, потому что других детей у меня нет и, с учетом приближающегося сорокалетия, уже не будет.

В графе «Достижения» еще есть моя подруга Машка, та самая, которая утверждает, что с судьями невозможно жить, более чем вменяемый начальник, председатель суда Анатолий Эммануилович Плевакин, всегда мне помогающий, а еще любимый мужчина Виталий Миронов, появившийся в моей жизни чуть более полугода назад и сделавшийся неотъемлемой частью повседневности. Иногда мне кажется, что Виталий уже стал частью меня самой, и, признаться, это меня пугает.

Зато в плюс никак не занести «нажитое непосильным трудом». Даже квартира, в которой мы с Сашкой живем, съемная. Родительскую я когда-то оставила сестре и, разумеется, совершенно об этом не жалею, но на пятом десятке ютиться по снятым углам все-таки не комильфо, вот только как это изменить, я понятия не имею.

Иногда я позволяю себе помечтать, что Миронов позовет меня переехать к нему, но проблему это, в общем и целом, не решает, потому что Сашке же тоже надо где-то жить. В последнее время ее друг Фома Горохов все чаще остается у нас ночевать. Если быть совсем честной, он фактически переселился к Сашке. Я ничего не имею против, поскольку предпочитаю, чтобы моя дочь, которой еще нет девятнадцати, все-таки была у меня на глазах. Но необходимость каждое утро собираться с мыслями перед выходом из собственной спальни, зная, что на кухне или в коридоре столкнешься с молодым человеком своей дочери, нервирует в той же степени, что и бодрит.

Вот и сегодня, открыв глаза и собираясь встать, я мучительно размышляла, ночевал у нас Фома или нет. Вечером, когда я ложилась спать, их дома еще не было, Сашка заранее предупредила, что они идут на какую-то тусовку, связанную с бизнесом, который Горохов продвигает вместе со своими друзьями, откуда она должна выдать в Сеть крутой репортаж. Судя по звукам, пробившимся из прихожей сквозь мой чуткий сон около двух часов ночи, домой дочь вернулась, но вот одна или с Фомой, я не знала.

Вздохнув, я вылезла из кровати, надела халат и тщательно завязала его, проследив, чтобы полы не расходились, на тот случай если взрослый мальчик все-таки где-то в квартире. Вышла из спальни и пошлепала в кухню, зевая и потягиваясь, но бдительно следя, не видит ли кто меня. Вот оно, счастье «советского общежития». Или коммунальной квартиры, что точнее.

Сашка уже встала и колдовала у плиты, готовя завтрак. Я смогла подглядеть, что на одного, поэтому можно было выдохнуть и расслабиться. Я плюхнулась на табуретку, не заботясь о тут же предательски распахнувшемся халате.

– Ты сегодня одна?

– Да, Фома с утра должен отправиться с родаками на дачу, поэтому поехал ночевать домой. Чего-то им там надо помочь.

Родаки – сиречь папа и мама Гороховы были мне знакомы еще по родительским собраниям в школе – Сашка и Фома учились в одном классе. Хорошие достойные люди, стремление к самостоятельности, в том числе и финансовой, в сыне поддерживают. И от ответственности за общие семейные дела, включая дачу, не освобождают.

Я снова бросила взгляд на то, что готовила себе на завтрак Сашка, прикидывая, могу ли я ухватить что-нибудь для себя или придется сооружать привычный горячий бутерброд. Моя дочь, как известно, сторонница здорового питания, вокруг которого и строится значительная часть ее блога, но за несколько лет ее увлечения этим модным поветрием я так и не приучила себя есть большую часть того, что полезно и модно.

И если свежие овощи или авокадо с кусочком лосося не вызывают во мне протеста, то злаковые батончики с сухофруктами и пророщенную пшеницу я есть категорически отказываюсь. Но сегодня моя дочь готовила запеченные в духовке сырники с абрикосами. Прекрасно, бутерброд можно не делать, обойдусь приготовлением кофе.

– Будешь? – читая мои мысли, спросила Сашка.

– Ага, – сказала я. – Спасибо.

– Не за что.

Дочь поставила передо мной тарелку, на которой появились два сырника, несколько половинок консервированных абрикосов, выдала вилку и села напротив с таким же набором.

– Приятного аппетита. Мам, а ты свой день рождения отмечать собираешься?

– Нет, – осторожно сказала я, не понимая, чем вызван ее интерес.

На семейный праздник захотелось, не иначе. Или они с Фомой собрались на моем юбилее объявить о чем-нибудь серьезном? Например, о том, что они решили пожениться? Или что ждут ребенка. Тьфу-тьфу-тьфу.

Становиться бабушкой я, пожалуй, не готова. Да и Сашка еще слишком юна, чтобы взваливать на себя груз материнства. Конечно, ей не придется пройти через то, что свалилось на мои плечи, когда я выяснила, что беременна от человека, только что отбывшего за границу на постоянное место жительства, и осталась без поддержки. Но все равно. Нужно закончить институт и пожить для себя.

– Сорок лет не отмечают, да и сил на большое сборище, если честно, нет, – призналась я. – В самом крайнем случае сооружу ужин, позовем Наткино семейство и на этом успокоимся. Но я бы предпочла сходить с Виталием в ресторан, если честно.

– Разумеется, вдвоем, – засмеялась Сашка.

– Ну, да. – Я старалась всегда быть честной с дочерью. – Нашу семью теперь не так легко прокормить. Нас теперь, с твоим Фомой, трое. Натка, Костя и дети – это еще четверо. Плюс Виталий. Да и тетю Машу нужно позвать, лучшая подруга все-таки. А у нее муж и мальчишки. Вот уже, по самым скромным подсчетам, двенадцать человек. Нам их даже рассадить дома трудно, да и у плиты стоять несколько часов в день рождения совсем не хочется.

– Понимаю. – Сашка доела свои сырники и вскочила, со стуком поставив тарелку в раковину. – Но, насколько я знаю Виталия, он обязательно придумает тебе какой-нибудь особый сюрприз. И освободит от домашней суматохи. Я уверена.

Признаться, я тоже была в этом уверена. За полгода нашего знакомства мой возлюбленный много раз доказывал, что он внимательный человек, а еще умный, щедрый и добрый. Взять хотя бы историю с выкупом российских туристов из тюрьмы в Манзании, куда по глупости попала моя сестра Натка[1]. Ее спасение обошлось Виталию Миронову в круглую сумму, но он не пожалел денег не только на мою непутевую сестру, но и на всех остальных ее товарищей по несчастью. Этот жест я оценила по достоинству.

И правда интересно, что именно Виталий придумает в честь моего юбилея. Может быть, мы снова отправимся вдвоем в тот чудесный замок в Калининграде, в котором встретили Новый год? Или в круиз по Волге, я так давно об этом мечтаю. Как бы то ни было, до банального колье или сережек, пусть даже и дорогих, он точно никогда не опустится. Хотя… От кольца я бы не отказалась. Поймав себя на этой предательской мысли, я покраснела и судорожно оглянулась, чтобы убедиться, что Сашка не смотрит на меня.

За приятными мыслями я и не заметила, как бодро стрескала свои два сырника, подобрала с тарелки последнюю половинку консервированного абрикоса, щелкнула кнопкой кофемашины, чтобы сварить эспрессо, в два глотка выпила его и даже сполоснула посуду. Что ж, пора собираться на работу.

Сашка, крикнув мне из прихожей «пока», убежала в институт. Когда я садилась в машину, позвонил Виталий.

– Доброе утро, – нежно сказала я в трубку.

– И тебе доброе утро, – откликнулся любимый голос в трубке. – Слушай, Лена, во сколько ты сегодня можешь освободиться?

Я навострила уши. Такой заход означал, что сегодня вечером меня собираются куда-то пригласить. В ресторан? На концерт или спектакль? В гости?

– Часам к семи могу попробовать, – честно ответила я. – Хотя решений, которые надо оформить, накопилась целая гора. Думала сегодня задержаться, но если очень надо…

– Надо, Лена, – продолжил Виталий. – Мне нужно свозить тебя в одно место. На час примерно. Но там не ко времени, так что терпит. Просто скажи, во сколько точно будешь готова, и я спланирую свои дела так, чтобы потом сразу ехать за тобой.

Я с сомнением осмотрела свои черные брюки и немаркий джемпер, которые удобно скрывались под судейской мантией, но явно не предназначались для выхода в свет.

– Может быть, я заеду домой переодеться, а ты меня заберешь уже оттуда?

– Нет, не будем терять время. Место, в которое мы едем, не требует парадной формы одежды. Так во сколько я могу тебя забрать?

Я помолчала, прикидывая, как поступить, чтобы все успеть. Виталий сказал, что в этом пока неведомом мне месте нужно провести час. По вечерним пробкам нужно заложить час на дорогу туда, а потом еще час обратно. Дома я хочу оказаться не позднее одиннадцати, потому что завтра тоже на работу, а значит, рано вставать. Если попросить забрать меня от здания суда в восемь, то времени на форс-мажор совсем не останется. Если уйти с работы в семь, то гора дел на столе не станет меньше, а мой помощник Дима будет хмурить брови и многозначи-

[1] [1] Читайте об этом в романе Татьяны Устиновой и Павла Астахова «Пленница».

тельно вздыхать. Ведь мой завал с делами напрямую касается и его. Что ж, придется принять соломоново решение.

– Давай, ты заедешь за мной в 19.30, – предложила я. – Если тебе это удобно, конечно.

– Мне удобно все, что касается тебя, – заверил собеседник, вызвав мою невольную улыбку. Все-таки как же мне повезло, что я встретила этого чудесного человека. – Буду в половине восьмого. Хорошего дня, ваша честь.

Я снова улыбнулась.

– И тебе хорошего дня.

В моем кабинете меня ждали уже сваренная помощником чашка кофе, свежайшие эклеры и подруга Машка, которая их и принесла.

– Поругалась с мужем, – сообщила она, едва я появилась на пороге. – Решила, что мне срочно требуется моральная компенсация.

– Ты же худеешь, – заметила я. – Кто только третьего дня говорил, что полностью исключил сладкое из рациона?

– Я говорила и от своих слов не отказываюсь, – возвестила Машка, нацелилась на один эклер и откусила от него половину. – Но из любого правила иногда можно делать исключения, особенно если это необходимо для здоровья и душевного равновесия.

Она энергично пожевала, засунув в рот вторую половину эклера, затем проглотила его и подняла глаза к небу.

– Господи, прими за лекарство.

Я не выдержала и засмеялась.

– Из-за чего поругались?

– Из-за планов на летний отдых. У нас обоих отпуск в августе, и мой муженек отчего-то вбил себе в голову, что мы должны отправиться в поход.

– Куда?

– В поход. Вместе с мальчишками. Представляешь? Сплавляться по каким-то рекам, ночевать в палатке на берегу, жарить собственноручно собранные грибы и сплачиваться как семья. Ну, кто выживет после грибов, разумеется. Он убежден, что на всю эту чуму можно потратить около трех недель, а четвертую провести на даче, ударно трудясь, чтобы компенсировать время нашего отсутствия.

– А ты?

– А я на море хочу! – взвыла Машка. Видимо, эклер не помог привести в порядок ее растрепанные чувства. – Для меня идеальный отпуск – это дней девять на море, а все остальное время на даче, потому что в августе как раз весь урожай поспеет, и огурцы с помидорами, а также прочие баклажаны и кабачки себя сами не закатают, знаете ли.

Моя подруга – идеальная хозяйка, коей мне никогда не стать. Те времена, когда я испытывала по этому поводу комплекс неполноценности, давно прошли, но факт остается фактом. И городская квартира, и дача у Машки в идеальном состоянии. Овощи она выращивает в товарных количествах, и сделанных ею заготовок хватает на всю зиму не только их семье, но и нам с Наткой. Как подруге это удается при ее сумасшедшей работе и двух сыновьях, загадка. Я так не могу. Впрочем, это я уже говорила.

– А мальчишки чего хотят? – спросила я. – На море или сплавляться по реке?

– Разумеется, сплавляться. – Машка громко фыркнула и подцепила с блюда еще один эклер. Я с тревогой смотрела на это, понимая, что если она не влезет в платье, недавно купленное, в том числе и к моему юбилею, то я столкнусь с последствиями еще одной катастрофы. Куда там сплаву по рекам. – Вся семья объединилась против меня, маленькой и беззащитной.

Мой помощник непочтительно засмеялся, потому что маленькой Машка в силу любви к сладкому точно не была, а в плане беззащитности смело могла конкурировать с крокодилом.

– Отправь их в поход, а сама поезжай на море. – Сегодня я была непревзойденным мастером по части соломоновых решений. – И отдохнешь от всего своего кагала, и дешевле выйдет.

– Так они не согласны, – горестно сообщила Машка, доедая второй эклер и плотоядно глядя на оставшиеся. Дима, заметив ее взгляд, быстро подошел и взял одно пирожное, чтобы не остаться совсем без угощения. Посмотрев на последний эклер, Машка вздохнула, потому что лишить меня сладкого не могла.

– Им же нужно, чтобы в походе их кто-то обслуживал. Еду готовил, посуду мыл, следил за чистотой трусов и носков. В общем, все, как они привыкли.

Да-а-а, совсем разбаловала моя подруга своих мужиков. Однако последующая ее фраза заставила меня недоуменно поднять брови.

– Вот рожу себе девочку, будут знать. Хоть бантиков навяжусь на старости лет. Красивые платьица буду покупать. Туфельки. И помощницу себе выращу, а не этих оглоедов, у которых все принеси-подай.

– Маш, ты чего, ребенка ждешь? – аккуратно спросила я, косясь на Диму, которому вроде как не пристало быть свидетелем подобных разговоров.

У моего помощника даже уши шевелились, так ему было интересно. Ужас-ужас-катастрофа, как иногда говорит Фома Горохов, мой потенциальный зять.

– Никого я не жду, – буркнула Машка, и любопытство на Димином лице тут же сменилось разочарованием. – Хотя и очень об этом иногда жалею. Вот неужели тебе, Кузнецова, никогда не приходило в голову пожалеть, что у тебя только один ребенок? У меня двое, и то я иногда думаю, что в сорок лет еще не поздно тряхнуть стариной. Хотя бы ненадолго вырваться из этой сумасшедшей круговерти с работой.

– Для того чтобы не работать, а воспитывать второго ребенка, нужен человек, который готов взять на себя ответственность. И за этого ребенка, и за меня. Ты же знаешь, что в моей жизни таких желающих отродясь не бывало.

– Раньше – да. Но сейчас-то. – Машка покосилась на меня и ловко сцапала последний эклер с тарелки. – Не хочешь, останешься без сладкого. В большой семье не щелкают. Сейчас у тебя есть твой Миронов, и он очень серьезный и ответственный человек, которому было бы вполне по силам прокормить тебя и ребенка, если бы ты ему родила. У него, кстати, вообще есть дети?

– Есть, – вздохнула я. – Сын и дочь, уже довольно взрослые. Сын – студент, дочка – школьница. Живут они с его бывшей женой, но, разумеется, отношения с отцом поддерживают. Так что вряд ли ему нужны еще какие-то дети. Дима, – с нажимом в голосе проговорила я, – если вы выпили свой кофе, то сходите, пожалуйста, в канцелярию, заберите расписанную на нас почту. – Разговор принимал такой оборот, что присутствие моего помощника было точно лишним.

– Почта еще не расписана, Елена Сергеевна, и вы это знаете, – ухмыльнулся он. – Но я схожу к кому-нибудь из ребят-помощников, вы не переживайте.

Все-таки Дима тактичный до ужаса. Его девушке Жене сильно с ним повезло. Они познакомились в то же самое время, что и мы с Виталием, и, кажется, на этот раз у Димы все серьезно, чему я несказанно рада.

– Машка, ну, что ты несешь, да еще при посторонних, – возмутилась я, когда за моим помощником закрылась дверь. – Мне через неделю сорок лет, какие дети? И как именно я должна завести ребенка и возложить ответственность за него на Виталия, если он мне ничего такого не предлагает? В мои годы и в моем статусе не сообщают мужчине с бухты-барахты, что, оказывается, не умеют предохраняться. И вообще ребенок – это осознанное решение, которое принимают двое, хорошо подумав.

– Вот и подумайте. – Машка с явным сожалением посмотрела на пустую тарелку. – Вас же двое. Иначе, помяни мое слово, дорогая подруга, ты скоро останешься одна. Сашка у тебя

уже взрослая, того и гляди замуж выйдет. А мужиков держать надо, привязывать к себе, они – существа ненадежные. На свободе быстро борзеют и начинают скучать.

– Не собираюсь я никого удерживать и привязывать. – От этого дурацкого разговора я начала сердиться. – Маш, давай уже расходиться. У меня заседание через двадцать минут, а я еще даже не подготовилась.

– Ладно. – Машка встала и одернула на себе платье. Кстати, новое. До этого я его на ней не видела. – Пошли работать. Но над тем, что я тебе сказала, ты подумай.

Первое мое сегодняшнее заседание касалось иска одной из жительниц Таганского района к товариществу собственников жилья, управляющему домом, в котором проживала заявительница. Понятно, что, как судья, я ко всем рассматриваемым мной делам отношусь одинаково, но при этом все равно какие-то направления люблю больше, какие-то меньше. Так вот дела, связанные с коммунальными склоками, у меня в числе нелюбимых. Скучно это – обсуждать протечки и цены на содержание жилья.

Вот и сегодня мне предстояло вынести решение по заявлению гражданки Касторкиной о защите прав потребителя по возмещению ущерба, причиненного помещению вследствие залития. Иногда я сама прихожу в ужас от судебных канцеляризмов, но именно так была сформулирована причина иска в расписанных на меня материалах дела.

Заявительнице принадлежали нежилые встроенно-пристроенные помещения на первом этаже многоквартирного дома. После дождя часть кровли протекла, вода залила расположенный в сдаваемом в аренду помещении косметический салон, что привело к намоканию подвесных потолков и стен, отслоению штукатурки, порче линолеума и стяжки пола, сгоранию электропроводки, а также выходу из строя светильников и розеток.

Товариществу собственников жилья, которое отвечало за содержание как жилых, так и нежилых помещений в доме, дважды направлялась досудебная претензия с просьбой компенсировать ущерб, однако реакции со стороны председателя и правления ТСЖ не было.

Ущерб оценивался заявительницей в 187 126 рублей, что подтверждалось огромным количеством чеков и актов выполненных работ, а также официальным договором с фирмой, которая проводила ремонт, и платежными документами. С этим ворохом бумаг разбирался, разумеется, Дима, но по привычке я проверяла все сама, потому что в решении, которое мне предстояло вынести, отвечала за каждую букву.

Поскольку в уставе ТСЖ было прописано, что товарищество несет ответственность за содержание общего имущества, к которому относилась и крыша пристройки, ущерб, понесенный вследствие дождя, следовало выплатить потерпевшей именно ТСЖ. Кроме того, в своем заявлении истица полагала, что с ответчика подлежит взысканию неустойка за нарушение им срока удовлетворения требований потребителя о возмещении материального ущерба, предусмотренная пунктом 3 статьи 31 Закона РФ «О защите прав потребителей» и исчисляемая в порядке, установленном п. 5 ст. 28 названного Закона.

Согласно расчету истца, неустойка за период просрочки составляла ни много ни мало 496 079,64 рубля, из расчета: 131 238 рублей (сумма материального ущерба). Однако так как в силу закона размер неустойки не может превышать общую цену выполнения работ, с ответчика в пользу истца предполагалось истребовать 131 238 рублей. Гражданка Касторкина просила суд взыскать с ТСЖ в ее пользу убытки на проведение восстановительного ремонта в размере 131 238 рублей; расходы по проведению оценки в размере 8500 рублей; штраф в размере 50 % от присужденной суммы за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя; неустойку за нарушение ответчиком срока удовлетворения требований потребителя о возмещении материального ущерба в размере 131 238 рублей.

Что ж, все понятно. Можно начинать заседание. Сама истица в суд не явилась, прислав бумагу с просьбой заслушать дело в ее отсутствие. А вот представитель ответчика, действующий по доверенности юрист ТСЖ в зале был и попросил оставить исковые требования истца

без удовлетворения ввиду их необоснованности, поскольку положения закона о защите прав потребителей не распространяются на отношения ТСЖ и собственников помещений в многоквартирном доме, ответчик не оказывает платных услуг собственникам указанных помещений и не имеет соответствующих договоров на ремонт и содержание общего имущества, в том числе с истцом.

Кроме того, в день, когда произошла протечка, ни истец, ни арендатор не известили ответчика и не обращались в его адрес с требованием зафиксировать факт залития, установить его причину и размер ущерба, а самостоятельно составили акт осмотра недвижимого имущества. Принадлежащее истцу нежилое помещение является пристроенным, выступающим за периметр здания, и имеет отдельную кровлю, которая не входит в состав общего имущества и должна содержаться истцом самостоятельно.

Заслушав мнение сторон и изучив материалы дела, руководствуясь статьями 1064 ГК РФ и 103, 194–199 ГПК РФ, суд решил: исковые требования Касторкиной к товариществу собственников недвижимости в многоквартирном доме удовлетворить частично. Хоть гражданка Касторкина и не потребитель в том смысле, как это понимает Закон, но имущество ее точно пострадало от действий, точнее, бездействия ТСЖ. Так что придется этому товариществу оплатить весь ремонт, да еще и государственную пошлину.

Фу-у-у, ненадолго можно выдохнуть.

День катился своим чередом. Остальные намеченные на сегодня заседания были менее муторными, часть из них я перенесла на другой срок из-за неявки необходимых участников или недостатка требуемых бумаг. Все, что на сегодня требовалось написать, подшить и сдать, мы с Димой в четыре руки закончили к пятнадцати минутам седьмого, и до назначенной встречи с Мироновым я успела выпить еще одну чашку кофе, чтобы снять напряжение и усталость, а также отпустить домой Диму.

– Я хотел еще сегодня поработать, – сказал он. – Женя сегодня записалась к какому-то врачу, так что меня никто не ждет.

– Отдыхайте, Дима, – строго ответила я. – Если уж начальница уезжает по своим личным делам, то и вам незачем засиживаться, иначе я буду себя неловко чувствовать. Если вашей Жени нет дома, то приготовьте ужин, что ли. Ей будет приятно.

– Вы же знаете, что я не мастак готовить, – засмеялся Дима. – Но, если вы меня действительно отпускаете, то я с Джеком погуляю, чтобы Жене потом не пришлось.

Джеком звали собаку Жени, благодаря которой молодые люди и познакомились. Сначала Дима решил, что Женя мошенница, но потом все закончилось хорошо. Точнее, продолжалось[2].

– Отпускаю, идите, – улыбнулась я и сама отправилась на встречу с любимым мужчиной.

Виталий подъехал к зданию Таганского суда ровно в половине восьмого. Его пунктуальность давно уже меня не удивляла. Это качество в людях я ценила, и соответствовать ему мне было нетрудно.

– Куда мы едем? – спросила я, усевшись на переднее сиденье его белой «Ауди», с которой и началось наше знакомство, и ответив на приветственный поцелуй.

– Увидишь, – загадочно ответил Миронов и тронул машину с места.

Довольно быстро мы выехали на московский скоростной диаметр и дальше помчались практически без остановок и пробок. Вот только куда?

– Мне не положено знать место нашего назначения? – с улыбкой спросила я.

– Потерпи, скоро все узнаешь. – Виталий тоже улыбнулся. – Я бы рассказал, но тогда сюрприза не будет.

Надо признать, что на самом деле я не очень люблю сюрпризы. Скучная сорокалетняя судья, в одиночку вырастившая дочь, не очень-то верит в то, что неожиданности могут быть

[2] Читайте об этом в романе Татьяны Устиновой и Павла Астахова «Дочки-матери».

приятными. Житейский опыт говорит об обратном. Вот только Миронову я полностью доверяю, поэтому расслаблюсь. Сюрприз так сюрприз.

Минут за сорок мы доехали до места назначения. Неподалеку мелькнула станция метро «Ботанический сад», и почти сразу мы въехали на находящуюся за шлагбаумом территорию жилого комплекса, нового, но уже обжитого. По крайней мере, на просторных парковках стояли машины, а на детской площадке слышался звонкий гул детских голосов.

– Что это?

– Жилой комплекс «Мой РАЙ-ОН», – самодовольно ответил Миронов. – Первые дома сданы в эксплуатацию в 2019 году, сейчас достраивается последняя очередь, но в целом он уже обжит и весьма удобен для жизни.

Это я видела и сама. Первые этажи домов объединялись встроенно-пристроенными площадями. Вывески гласили, что здесь есть неплохой супермаркет, аптека, химчистка, ресторан домашней кухни, кофейня, стоматология, ремонт обуви, парикмахерская и даже косметологическая клиника, причем входящая в принадлежащую Виталию Миронову сеть. Теперь понятно, откуда он знает об этом месте. Вот только меня зачем сюда привез?

Мне вдруг пришло в голову, что на мое сорокалетие любимый мужчина решил подарить мне пластическую операцию или комплекс оздоровительных процедур. Мысль оказалась неприятной, хотя я и так знала, что уделяю уходу за собой не столько времени, сколько хотелось бы, и даже не столько, сколько требуется в моем возрасте. Не было у меня на все это ни времени, ни лишних денег. И что? Виталий решил это исправить?

Настроение испортилось. Однако, припарковав машину, мы пошли не по направлению к клинике, а во двор, к подъездам. Может, мы просто в гости? Но к кому? С кем Миронов хочет меня познакомить? Подойдя к подъезду номер четыре, мой спутник достал из кармана связку ключей, открыл дверь домофонной «таблеткой», и мы очутились в просторном холле, выложенном белой мраморной плиткой, с зеркалами вокруг и четырьмя кабинами лифтов: двумя грузовыми и двумя пассажирскими.

Я невольно залюбовалась окружающим меня интерьером. Все-таки надо признать, что в последнее время строительные технологии шагнули далеко вперед. Даже многоквартирные дома выстроены качественно, с комфортом для жильцов и с усладой для взора. Я невольно вспомнила обшарпанную девятиэтажку, в которой мы с Сашкой много лет снимаем квартиру, и вздохнула.

Просторный лифт вознес нас на одиннадцатый этаж. Открыв кодовый замок на двери, ведущей в жилой отсек, мы очутились в длинном коридоре, в который выходили двери то ли шести, то ли восьми квартир, сразу и не сосчитаешь. Остановившись перед одной из них, мой спутник начал деловито отпирать дверь.

Если бы я не бывала в его огромной и очень удобной квартире в самом центре Москвы, решила бы, что Миронов привез меня сюда, чтобы похвастаться новой покупкой. Однако у него имелось шикарное жилье, в котором я в последнее время частенько ночевала, и переезжать в новый жилой комплекс, пусть даже и такой удобный, как этот, ему было совершенно незачем.

Дверь открылась, и я по приглашению хозяина шагнула через порог, с любопытством озираясь по сторонам. Широкий, кажущийся бесконечным коридор заканчивался стеклянной дверью в кухню. Встроенный шкаф из белого дерева, занимающий почти всю стену, казалось, мог вместить совершенно все, за ним располагался вход в совмещенную ванную комнату, отделанную розовым ониксом. Двери на противоположной стороне вели в спальню, где стояла двуспальная кровать, сразу видно, очень удобная, а напротив нее висел телевизор чуть ли не во всю стену. Угол занимал шкаф, а рядом с ним стояли удобный туалетный столик и обитый бархатом пуфик.

Из спальни можно было выйти на небольшой застекленный балкон, где я увидела удобные плетеные кресла. Я сразу представила яркие подушки, которые можно было бы туда

кинуть, чтобы с удобством любоваться потрясающим видом, открывающимся с одиннадцатого этажа.

Вторая комната оказалась небольшим, но уютным кабинетом, там у окна стоял довольно удобный стол, перед ним кресло. Если установить компьютер, то можно работать в тиши и с комфортом. Тот, кто продумывал эту квартиру, учел все до мелочей.

Дойдя до конца коридора и заглянув во все двери, которые передо мной открывал Виталий, мы оказались в кухне-столовой. Это была восемнадцатиметровая сказка, просто рай для кулинара, где тоже продумано все до мелочей. И бытовая техника, и огромный холодильник, и кухонный гарнитур выше всяких похвал. Вот ведь повезет кому-то готовить и принимать гостей среди всего этого великолепия.

– Замечательная квартира, – искренне сказала я. – Вот все-таки умеют у нас строить. Раньше ни о чем подобном даже мечтать не приходилось, а сейчас… Белой завистью завидую хозяевам. Кстати, ты мне скажешь, кто они? Почему ты меня сюда привел? Квартира выглядит нежилой. Чья она?

От прозвучавшего ответа я чуть не упала в обморок.

– Твоя, – сказал Виталий и рассмеялся, видя мое непонимающее лицо. – Это твоя квартира, Лена. Я купил ее как подарок на твое сорокалетие и успел отремонтировать и обставить до нужной даты. Конечно, ее нужно обустроить под тебя, перевезти вещи, докупить какие-то мелочи, которые я не мог учесть, но думаю, что ты с радостью сможешь собрать тут близких тебе людей. Сорок лет не отмечают, конечно, но новоселье же можно.

– Виталий, я не могу принять такой дорогой подарок, – пропищала я. Эта квартира так мне понравилась, что сил сопротивляться и соблюдать приличия практически не было. – Ты с ума сошел.

– Ни откуда я не сошел, я в трезвом уме и твердой памяти, – заверил меня мой возлюбленный. – Лена, сорок лет – это тот возраст, когда можно и нужно думать о своем физическом комфорте и душевном спокойствии. Твоя Саша уже совсем взрослая. Вам обеим нужен свой угол, поскольку у каждой из вас есть своя личная жизнь. Сколько можно ютиться в съемном жилье? Оставь там дочь, пусть живет как хочет, тем более что она у тебя девушка самостоятельная и неплохо зарабатывающая. А у тебя отныне есть своя квартира, свое жилье. Я специально покупал там, откуда тебе будет удобно ехать на работу без особых пробок. Ты же видела, что по МСД это не так уж и далеко. «Мой РАЙ-ОН» построен с учетом максимального комфорта жильцов. Тут есть все, чтобы после работы или по выходным без особой нужды не надо было покидать территорию. И Ботанический сад недалеко. Можно гулять сколько хочешь.

Стоя посредине роскошной кухни, кухни-мечты, я растерянно озиралась по сторонам. Неужели это не сон? Неужели и правда эта прекрасная квартира может быть моей? Неужели моя давняя мечта о собственном жилье, на приобретение которого я никак не могла решиться, наконец-то сбудется? Я все собиралась оформить ипотеку и купить нам с Сашкой квартиру, но к тому моменту, когда моя зарплата стала позволять подобный план, Сашка уже выросла, и по-хорошему, покупать нужно было уже не одну квартиру, а две.

Но если у меня будет эта прекрасная и максимально комфортная «двушка», то уж ипотеку на однокомнатную квартиру для Саньки мы с дочерью точно потянем. Немного царапало, что Виталий, по-видимому, не строит планы на наше совместное проживание. С другой стороны, мы встречаемся всего полгода с небольшим, а двум взрослым самодостаточным людям не так-то просто решиться на совместное проживание. Вон сколько времени моя младшая сестра мурыжила Таганцева до того, как согласилась выйти за него замуж. А своя собственная квартира в любом случае неплохая страховка.

От обилия эмоций и мечущихся в голове мыслей по моему лицу потекли слезы.

– Эй, ты что плачешь? – встревоженно спросил Виталий. – Тебе не нравится? Ты считаешь, что я нарушил границу твоего личного пространства?

– Мне очень нравится, – сквозь слезы ответила я и шмыгнула носом. – Ты даже представить не можешь, как мне нравится. И квартира, и твоя забота. Обо мне никогда в жизни никто не заботился. Только ты.

– Так ведь ты этого заслуживаешь, – серьезно сказал Виталий, притянул меня к себе и с чувством поцеловал. – Лена, я так рад, что сумел угодить тебе с подарком. Я счастлив, что квартира тебе нравится. Она оформлена на твое имя, документы и ключи в кабинете на столе. Ты можешь планировать переезд в любое время, а я, разумеется, тебе помогу.

Не в силах сдержать рвущиеся наружу эмоции, я зарыдала в голос. По лицу Миронова блуждала довольная и счастливая улыбка.

* * *

В последнее время, просыпаясь по утрам, Натка некоторое время лежала с закрытыми глазами, словно прислушиваясь к своим внутренним ощущениям. Впервые за много лет она была в полном ладу с окружающим миром и с собой. Вся ее кипучая энергия, раньше то и дело толкавшая ее на всевозможные приключения, из которых не всегда удавалось выйти без последствий, сейчас уходила на вполне обыденное, но между тем приносящее радость: мужа, детей, работу, ведение дома. И когда только она успела стать такой хозяйственной и домовитой? Или это Таганцев ее так изменил?

Иногда Натка, дизайнер Наталья Кузнецова, представляла себя бурной горной рекой, на которой вдруг взяли и построили гидроэлектростанцию. Раньше поток бесцельно стремился куда-то, подмывая берега, а теперь четко и упорядоченно вырабатывал электричество, принося пользу другим.

Польза эта наблюдалась практически во всем. К примеру, капитан Таганцев, много лет проходивший в простых оперативниках, после Нового года был отправлен на трехмесячные курсы повышения квалификации при Центре профессиональной подготовки Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по городу Москве.

Учеба закончилась перед самыми майскими праздниками, после получения свидетельства Константину Таганцеву было присвоено звание майора, и со дня на день он ждал назначения на должность заместителя начальника окружного управления внутренних дел по Северо-Восточному округу ГУ МВД России по г. Москве. Должность, к слову, полковничья, так что погоны хотя бы подполковника, судя по всему, были не за горами.

Наткина сестра, судья Кузнецова слегка удивлялась такому резкому карьерному взлету зятя, а вот сама Натка приняла его как должное. Она прекрасно знала, что ее Костя – умница и трудяга, и кто заслуживает повышения, если не он? С этим аргументом сестра Лена не спорила, признавая к тому же наличие в системе огромного кадрового голода. Опыт Таганцева вкупе с его деловыми качествами, проявившимися, к примеру, во время длительной командировки в Энгельс, после которой они с Наткой и удочерили девочку Настю, делал подобное назначение вполне объяснимым. А детали Натку не интересовали.

Приказ о назначении должен был быть подписан на следующей неделе, сразу после майских праздников, и Натка уже объявила сестре, что по этому поводу планирует большой сабантуй с приглашением Костиных друзей и сослуживцев, ну, и всей семьи, конечно. Торжество нужно было как-то развести по времени с Лениным сорокалетним юбилеем, но сестра заверила, что отмечать его не собирается, так что Натка вольна назначать любую дату, которую сочтет подходящей.

Сенька, которому недавно исполнилось девять лет, заканчивал третий класс, трехлетняя Настя вполне освоилась в детском саду и даже почти не болела, жизнь была вполне устаканившейся и предсказуемой, и единственное, что ее омрачало, – это теснота, в которой им приходилось жить.

Родительская квартира, когда-то любезно предоставленная Леной в полное Наткино распоряжение, была очень комфортна, пока Натка и Сенька жили там вдвоем, и вполне допускала периодические ночевки в ней Таганцева, однако для постоянного проживания семьи из четырех человек с двумя разнополыми детьми она не годилась совершенно. И одной отдельной комнаты не хватало, и кухня слишком маленькая, и коридор узкий.

Натке давно стало ясно, что квартирный вопрос, тот самый, который испортил не одно поколение москвичей, нужно решать, но вот как? Этот вопрос она готовилась ребром поставить перед мужем. В конце концов, если его деловой хватки достаточно для того, чтобы сделать нехилую для его лет карьеру, то и с жилплощадью разберется, не маленький.

Новая Костина должность предусматривала неплохую зарплату, и хотя в своей хорошенькой головке Натка ее давно уже распределила, она вполне допускала и мысли об ипотеке. В конце концов, другие живут, и они смогут. Костя, когда она высказала ему свои мысли вслух, вдруг заявил, что тоже об этом думал. Правда, Таганцев считал, что ипотека им пока не нужна, она понадобится позже, когда Сенька подрастет настолько, что ему понадобится отдельное жилье. Пока же Костя предложил другой выход: продать Наткину жилплощадь и свою, еще родительскую квартиру и купить четырехкомнатную, пусть и не очень новую, в которой кухню можно будет объединить с гостиной, а еще оборудовать им отдельную спальню и детям по комнате.

Идея была воспринята как здравая, и вот уже несколько дней вместо того, чтобы работать, Натка просматривала всевозможные предложения о продаже недвижимости. Мечтала она о новой, большой и светлой квартире, которые строились сейчас в комплексах со всеми мыслимыми и немыслимыми удобствами, с грустью понимая, что на это у них не хватит денег. Если не влезать в кредиты. Так что придется довольствоваться чем-нибудь попроще.

Покупатель на квартиру, оставшуюся Косте от родителей, уже нашелся, Наткину квартиру тоже приходили смотреть, потому что находилась она близко к центру и в тихом, зеленом, уютном дворике, а вот вариант с покупкой пока не просматривался, от чего Натка немного начинала нервничать. Все вокруг пугали, что рынок стоит. Найдется покупатель, согласный на их цену, значит, надо продавать. Вдруг другого не будет, а этого упустишь. А если до этого времени новой квартиры не будет, то куда переезжать с двумя детьми? Да и время непростое, страшно, что деньги обесценятся. Сегодня это стоимость квартиры, а завтра, глядишь, ее половина. И где тогда, спрашивается, недостающее брать.

В разгар всех этих тревожных мыслей Натке позвонила старшая сестра. Голос у нее был какой-то странный. Словно сестра долго плакала, но при этом была радостно возбуждена.

– Ты чего такая? – без обиняков спросила Натка. – Случилось что? Тебе Миронов предложение сделал?

К новому роману сестры Натка относилась настороженно. С одной стороны, приходилось признать, что этот самый Виталий – классный мужик. Богатый, основательный, разведенный, красивый, Лену на руках носит, ее, Натку, из тюрьмы в Манзании спас, да не одну, а вместе со всеми товарищами по несчастью. Эта ее эскапада обошлась другу сестры в круглую сумму, но никакого недовольства этим обстоятельством он не выказывал и поток благодарностей прервал на самом, как говорится, взлете. Мол, дело прошлое, и давайте не будем об этом говорить.

С другой стороны, в идеальности Миронова Натка видела какой-то подвох. Ну, не бывает таких мужиков и такого женского везения. А если и бывает, то никак не могло оно выпасть на долю предсказуемой в своей правильности судьи Кузнецовой. Чем могла заинтересовать Виталия довольно скучная Лена, для Натки было тайной, и даже самой себе она не хотела признаться, что на самом деле просто завидует.

Конечно, у нее был законный муж, прекрасный Костя Таганцев, повышенный до приличной должности и без пяти минут подполковник, однако с Виталием Мироновым, а главное, с его доходами, Костя сравняться не мог, выигрывая только в одном. Практически с первых дней

их знакомства, когда Таганцев, сначала ухаживавший за Леной, увидел ее младшую сестру и пропал, он предлагал Натке выйти за него замуж. Миронов же за семь с лишним месяцев этого решительного шага так и не сделал.

– Нет, не предложение, – раздался в трубке голос сестры, впрочем, совершенно этим обстоятельством не расстроенный. – Он мне квартиру подарил, представляешь?

– Что-о-о-о?

– Ага. Я сама до сих пор в шоке. Вчера вечером привез в жилой комплекс «Мой РАЙ-ОН», привел в двухкомнатную квартиру, полностью готовую для того, чтобы в ней жить, вручил ключи и документы на мое имя и сказал, что это его подарок на мое сорокалетие. Представляешь?

– Если честно, с трудом, – призналась Натка. – А этот жилой микрорайон где?

– На северо-востоке, недалеко от станции метро «Ботанический сад». С одной стороны, не центр, конечно, а с другой, мы по МСД от моей работы за сорок минут доехали. Я в часы пик сейчас больше на дорогу трачу. А квартира прекрасная, да и сам комплекс просто мечта. Все нужное есть. Натка, ты себе представить не можешь, насколько я счастлива. Я так долго мечтала о своей квартире. И Сашка тоже рада. Она наконец-то вырвется из-под моей опеки и станет жить сама. Она даже сдержать свои эмоции не могла, так и сказала: «Наконец-то ты не будешь нам с Фомой мешать, а мы тебе».

– Нахалка твоя Санька, – сказала Натка.

С одной стороны, за сестру она была рада, а с другой, ее немножко грыз внутренний червячок. Ее-то квартирный вопрос никак не решается, а у Лены – пожалуйста, и без всяких на то усилий. Натке тут же стало стыдно. В конце концов, квартира, в которой она сейчас живет всем своим колхозом, когда-то досталась им с сестрой от родителей, и Лена имела на нее такое же право, как и Натка, но оставила ее младшей сестре безропотно, всю жизнь скитаясь по съемным углам. Так что все правильно, все справедливо.

– Молодежь, что с нее взять, – безмятежно отозвалась Лена. – Но я не в обиде. Ты же знаешь, Сашка – хорошая дочь, а что хочет самостоятельности и чувствовать себя хозяйкой, так это нормально. Мы и сами такие были.

– И когда новоселье?

– Пока не знаю. Там нужно кое-что докупить и под себя обустроить. – Лена счастливо вздохнула. – Торопиться-то особо не надо. Сделаю все в удовольствие, раз уж такой повод выпал. Начну потихоньку коробки собирать. Что с собой забрать, что Сашке оставить, а что и вовсе выкинуть. Столько барахла накопилось, давно собиралась разобрать, да руки не доходили, теперь пора.

Натка уныло подумала о том, что свое барахло, видимо, разберет не скоро, но потом спохватилась и искренне поздравила сестру.

– Твой Виталий – молодец, – сказала она. – Умеет устроить сюрприз, этого у него не отнять. Впрочем, лучше бы он тебе колечко подарил. С бриллиантиком. Потому что тогда ты переехала бы в его роскошные хоромы, и вопрос решился бы сам собой. Раз он тебе квартиру дарит, значит, что? Жить с тобой не собирается?

– Ты хочешь, чтобы я задала ему этот вопрос? – В голосе сестры появился металл, который Натка хорошо знала и называла судейским. – Не в моих правилах навязываться кому бы то ни было в жены, даже если речь идет о Миронове. Я, беременная Сашкой, такого не сделала, а уж сейчас и подавно. Я себя, знаешь ли, не на помойке нашла. Да и вообще я не уверена, что гожусь для семейной жизни. С моей работой иногда только и хватает сил, чтобы дойти до кровати и упасть в нее. Встречи под настроение и без обязательств меня вполне устраивают.

– Ой ли? – лукаво спросила Натка.

– А что тебя удивляет? Ты что, не такая была? Сколько лет ты наотрез отказывалась выходить за Таганцева, потому что тебя устраивало быть свободной. Ты согласилась только

потому, что без этого вам Настю удочерить не давали. Если бы не это, так ты бы до сих пор незамужняя была.

– Может быть, – легко согласилась Натка. – Только я сейчас, с высоты полученного опыта, понимаю, насколько была не права. И быть Костиной женой, а не любовницей мне очень даже нравится. Нам всем это пошло на пользу. И мне, и Насте, и Сеньке, да и Косте тоже. Кто знает, был бы он не женат, может, и не получил бы такое ответственное назначение. Семейные ценности сейчас важное значение имеют.

– Они всегда имели важное значение. – Лена вдруг вздохнула. – Если Виталий захочет на мне жениться, я, разумеется, соглашусь, потому что это именно тот человек, за которым можно быть в прямом смысле слова «за мужем», как за каменной стеной. Ему моя женская сила и выносливость по барабану, он во всех смыслах гораздо более сильный человек, чем я. Но раз он пока не принял такого решения, то меня и сегодняшний статус-кво вполне устраивает. Мне с этим человеком хорошо. И квартире я очень рада.

– Разумеется. Если вы все-таки рано или поздно поженитесь, то она Сашке достанется, – хмыкнула Натка. – Как ни крути, а сплошная польза. Лена, я очень за тебя рада, правда. Надо будет выбрать время, чтобы съездить и посмотреть твою новую квартиру. А пока напоминаю, что на следующей неделе мы с Костей ждем вас с Сашкой в гости, чтобы отметить его назначение. И Виталия, конечно, тоже.

– Да, мы помним, конечно, – ответила Лена. – До встречи.

Спустя неделю, когда ожидаемое назначение Таганцева на новую должность состоялось (Натка до конца не была уверена, что это произойдет, потому что подобный карьерный рывок казался фантастикой), они действительно собрались в Наткиной небольшой, но уютной квартире. Стол накрыли в гостиной, один угол в которой теперь был отдан под нужды трехлетней дочки.

Настюша, как все детдомовские дети, к наличию своего места относилась очень трепетно. Ей было очень важно, что у нее есть ее коробка с игрушками, которые никто не трогает без разрешения, ее детский столик и стульчик, куда она усаживалась рисовать, ее кукольный домик, в котором обычно обстоятельно рассаживались куклы. Сейчас все это великолепие оказалось сдвинуто из-за большого расставленного стола и натащенной кучи стульев для гостей, и Настюша капризничала и куксилась, что вообще-то было ей несвойственно.

От шума, гама, детских слез, да и от предшествующей приходу гостей готовки Натка устала так сильно, что даже голова заболела. Она уже жалела, что не воспользовалась любезным предложением своих давних соседей по даче, Татьяны Ивановны и Василия Петровича Сизовых забрать на время вечеринки детей к себе. Натка отказалась, потому что Сизовы тоже были званы в гости и сейчас сидели за столом. Отдавать им детей значило оставить пожилых людей без праздника, которых у них и так было немного. Нехорошо это, некрасиво.

Конечно, Татьяна Ивановна, не умевшая сидеть без дела, приехала заранее, чтобы помочь накрыть стол, да еще и собственноручно испеченные пироги привезла, но взбудораженная большим количеством незнакомых людей Настенька к «бабе Тане» шла плохо, дичилась, то и дело норовила залезть к Натке или к Косте на колени.

Костя же вынужден был общаться со своими коллегами, а потому внимания дочке уделить не мог, а Натка сновала все время между гостиной и кухней, следя, чтобы не пустели блюда и тарелки, поэтому оставляла дочку то на Сеньку, то на племянницу Сашку, а Настюша то и дело принималась плакать, размазывая слезы по своему ангельскому личику.

Почему-то за всем этим бедламом крайне внимательно наблюдал Виталий Миронов, и Натку это нервировало. При бедовом ее характере ей всегда было совершенно все равно, что думают о ней посторонние люди, в том числе мужчины ее сестры. Натка была уверенной в себе и самодостаточной, но почему-то неприкрытый интерес Миронова к их с Таганцевым жизненному укладу ее цеплял, порождая странное чувство внутреннего беспокойства.

Словно впереди были какие-то, пока неведомые неприятности, и их ожидание заставляло держаться настороже. Натка и держалась, то и дело бросая в сторону друга сестры осторожные внимательные взгляды. Чего вынюхивает? Что хочет узнать? Она замечала, что Виталий то и дело останавливает взгляд на золотистых Настюшиных кудряшках, а потом переводит его на сосредоточенно глядящего в телефон Сеньку.

– Мама, я хочу какать! – звонкий голос Насти перекрыл гостевой гомон.

На мгновение воцарилась тишина, и тут же все снова продолжили свои разговоры, тактично не обращая внимания на детские бытовые неурядицы, и только Миронов расхохотался громко, весело, от души, а отсмеявшись, вдруг наклонился к уху сидящей рядом Лены и что-то ей прошептал. Натка заметила, что сестра изменилась в лице и на мгновение застыла, а потом бросила на своего спутника такой изумленный взгляд, словно он предложил ей слетать на Луну. Или сообщил о том, что им надо расстаться?

Впрочем, сейчас нужно было думать не об этом, а о том, как усадить Настю на горшок. Вот ведь маленькая паразитка. Это же она просто из вредности, чтобы привлечь к себе внимание посреди большого шумного сборища. Настоящая женщина растет. И манипуляторша, каких еще поискать.

Если бы Натка, уносящая на руках дочь в ванную комнату, слышала, о чем говорят Лена и Миронов, то удивилась бы еще больше. Крупный бизнесмен, удачливый предприниматель и очень серьезный человек Виталий Александрович Миронов, весь вечер наблюдающий за тем, в какой любви живут обитатели этой тесной квартирки, думал о том, что, пожалуй, его многокомнатные хоромы слишком просторны для него одного.

Никто не знал, насколько пусто на душе, когда вечерами возвращаешься в пустую квартиру. Если Лена не оставалась у него ночевать, то он даже свет нигде не зажигал, ненадолго заходил в кухню, чтобы, не чувствуя вкуса, съесть оставленный домработницей ужин, плескал в пузатый стакан на два пальца виски, чтобы легко уснуть, а потом проходил в спальню, где перед сном недолго пялился в телевизор или лениво пролистывал в интернете новости на лентах телеграм-каналов.

Скучно так жить. Скучно и бессмысленно. В небольшой квартирке безалаберной Натальи Кузнецовой и ее мужа кипела жизнь. Здесь никогда не скучали, и Виталий Миронов был крайне далек от мысли, что причина этого кроется как раз в Наткиной безалаберности. Секрет был совсем в другом – в звонких детских голосах. Миронов нечасто приходил к Таганцевым, но каждый раз испытывал острое чувство зависти, потому что здесь пахло теплым, дружным и любящим домом, а не дорогими освежителями кондиционированного воздуха, как в его собственном жилище.

И вот это непосредственное «мама, я хочу какать»… Бизнесмен вдруг представил, как посредине торжественного приема у него дома звучит тонкий детский голосок, прерывая высокопарные речи гостей, рассмеялся громко, открыто, как не делал на людях уже довольно давно, а отсмеявшись, наклонился к Лене и тихонечко сказал:

– Роди мне сына!

Это прозвучало так просто и обыденно, словно Миронов думал об этом долго и основательно, вынашивая план по созданию новой семьи. На самом деле мысль, пришедшая в голову, возникла совершенно неожиданно. До этого момента ему даже в голову не приходило, что, помимо уже взрослых сына и дочери, у него могут появиться и новые дети. К чему? Зачем? Безответственно это – заводить детей на пятом десятке, когда шансы на то, что с тобой что-то случится до достижения ими совершеннолетия, повышаются с каждым прожитым годом.

Лена, похоже, к подобному предложению тоже была не готова. По крайней мере, услышав его горячий шепот, замерла в изумлении, словно не веря собственным ушам, перед этим вздрогнув всем телом. Испугал он ее, что ли?

– Ты серьезно?

Свою новую подругу жизни Миронов понимал. Ей только-только исполнилось сорок лет, и в данный момент Лена Кузнецова наконец-то могла, слегка расслабившись, если не получать удовольствие, то хотя бы жить спокойно. На работе у нее все шло своим чередом. Судья Кузнецова пользовалась уважением коллег и была на хорошем счету у начальства. Взрослая дочь училась в институте, зарабатывала неплохие деньги на модном нынче блогерстве и хлопот не доставляла.

Младшая сестра, за которую Лена привыкла волноваться и чьи проблемы вечно решала, стала степенной замужней женщиной и матерью двоих детей. За нее теперь отвечал Таганцев, а на Костю в этом вопросе вполне можно было положиться. Особенно теперь, когда он выбился в большие начальники. В этом месте Миронов позволил себе слегка усмехнуться.

Для всего остального – души и тела – у нее был он, и Миронов прекрасно видел, как Лена к нему относится. Его грела мысль, что он сумел влюбить в себя именно такую женщину: взрослую, умную, самостоятельную, сильную. И он готов заботиться о ней, облегчая ее жизнь. К примеру, вон квартиру купил. Так почему бы ей в ответ и не родить ему ребенка.

– Совершенно серьезно, – ответил он на заданный ею вопрос. – Неужели ты не завидуешь своей младшей сестре? Это же такое счастье – слышать в доме детские голоса.

– Виталик, но я об этом никогда даже не думала, – растерялась Лена.

– О чем? О том, что от того, чем мы с тобой периодически занимаемся, бывают дети? Близкие контакты между мужчиной и женщиной, знаешь ли, иногда приводят к такому результату.

– Разумеется. Но совместные дети – это совсем иной уровень отношений. И родить ребенка значит поменять свою жизнь навсегда. Уже ничего не будет по-прежнему, и отыграть назад не получится.

– А что именно ты собираешься отыгрывать? Тебе сорок лет, ты находишься в самом расцвете, так что выносить и родить здорового ребенка вполне сможешь, тем более что медицинское сопровождение я тебе обеспечу самое лучшее. Еще несколько лет – и думать об этом будет уже безрассудно. Да и я бы хотел успеть поставить малыша на ноги, будучи активным членом общества. Так что биологические часы тикают не только у тебя, но и у меня.

– Мне всегда казалось, что вопрос с детьми для меня закрыт раз и навсегда. Сашке девятнадцать, куда рожать с такой разницей? И ты прав, к этому вопросу нужно подходить очень взвешенно и разумно. В первую очередь с точки зрения здоровья ребенка.

– Разумеется. Я согласен, что тебе надо пройти всестороннее медицинское обследование. И мне тоже. И генетические экспертизы лишними не будут. Возраст все-таки. Так что, если ты не против, то я завтра же и договорюсь.

Лена ошарашенно молчала.

– Ладно, ты подумай, а мне еще надо с Костей переговорить, – смилостивился Миронов и встал из-за стола.

Подойдя к Таганцеву, который только что вернулся в комнату, проводив партию сослуживцев, он сделал ему знак следовать за ним.

– Где пошептаться можно? Так, чтобы без свидетелей.

Таганцев немного подумал.

– В гостиной гости, на кухне Татьяна Ивановна моет посуду, в ванной Натка с Настенькой, так что пойдем в Сенькину комнату, хотя нет, там сейчас Санька стрим проводить будет, я слышал, как она с Сенькой договаривалась, чтобы его комнату занять. Так что пошли в спальню.

Мужчины скрылись за дверью, провожаемые взглядом вышедшей из ванной комнаты Натки.

– Доченька, сходи к бабе Тане, расскажи ей стихотворение, которое мы вчера вечером учили. Мне надо с тетей Леной поговорить.

Вернувшись в комнату, она подсела к сестре, застывшей с задумчивым, можно даже сказать, отрешенным видом.

– Чего тут у вас за сепаратные переговоры?

Лена вздрогнула, словно очнулась.

– Что?

– Я говорю, что твой Виталий затеял? Сначала с тобой шептался, потом с Таганцевым, а теперь они оба в спальне заперлись.

Старшая сестра вдруг рассмеялась.

– Ну, то, что он затеял, с Таганцевым в спальне не делается. Натка, ты представляешь, Виталий заявил мне, что хочет, чтобы я родила ему сына.

– Чего-о-о? – Глаза у Натки натурально полезли на лоб. – Ты? Сына? Погоди, я не поняла, он тебе что, предложение сделал?

– Если ты о замужестве, то нет. Этого он мне не предлагал. Но родить ребенка, кажется, тоже предложение. А оно прозвучало, причем совершенно однозначное.

– Ничего себе. А ты?

– А что я? Мне это даже в голову никогда не приходило. Разумеется, я иногда позволяла себе в мечтах представлять, что мы съедемся и станем жить вместе. Но дальше этого мои даже самые буйные фантазии не заходили.

– Мне тоже еще год назад в голову бы не пришло, что я займусь усыновлением ребенка, а для этого выйду замуж. Все-таки наши мужчины умеют удивлять. Таганцев мне вместо роддома предложил сходить в детдом, а твой Миронов готов вдруг стать биологическим отцом, хотя, глядя на него, такого в жизни не скажешь.

– Почему? – вступилась за любимого мужчину Лена. – Он серьезный и ответственный человек, готовый помогать людям. Почему бы ему и не хотеть снова понянчить малыша.

– Потому что, извини, он выглядит как человек, который все в этой жизни делает для своего комфорта. Серьезно и обстоятельно, но для комфорта, понимаешь? А дети – это дискомфорт, несмотря на то, что они очень милые.

Лена искоса посмотрела на младшую сестру. Та действительно выглядела уставшей. Все-таки двое детей – это серьезная ответственность и большой труд, и Костя, несмотря на всю его надежность, в этом не ахти какой помощник, поскольку день и ночь пропадает на своей невозможной работе. А теперь, после назначения, Натка его и вообще видеть перестанет.

– Наташа, скажи честно, ты ни разу не пожалела, что ввязалась в эту авантюру с Настей?

Сестра на подобное определение даже не обиделась. Понимала, что со стороны их с Костей решение именно так и выглядело.

– Ты знаешь, нет. Конечно, мне было очень страшно, и больше всего я боялась, что не справлюсь и буду жалеть. Но мне нравится быть Настиной матерью. Во-первых, когда Сенька рос, я была слишком поверхностной и легкомысленной. Мне тогда хотелось развлекаться, а не с малышом играть. Хорошо, что ты мне помогала. А теперь я, кажется, созрела для осознанного материнства. Меня вся эта круговерть совершенно не раздражает. И я сейчас скажу одну вещь, после которой ты, возможно, сочтешь меня ненормальной, но я бы и третьего ребенка завела. Общего с Костей. А что? Его зарплата вполне позволит мне какое-то время не работать. Шиковать, конечно, не придется, но прокормить троих детей мы будем в состоянии. С квартирой бы что-то решить, потому что нам и сейчас тесно. В таких условиях о третьем малыше даже думать не приходится. А я все равно думаю. Так что, если твой Миронов сам тебе предлагает родить, значит, он готов взять на себя ответственность за вас обоих. И тебя, и малыша. И этим нужно пользоваться. Даже если он на тебе не женится и вы вообще расстанетесь, ребенка он точно не бросит. Не такой он человек.

Лена уныло подумала о том, что последняя фраза является довольно слабым мотивом для того, чтобы рожать ребенка. Впрочем, они с Наткой отвлеклись от своего разговора, поскольку

увидели, что Миронов и Таганцев вышли из спальни, остановились в коридоре перед входом в гостиную и пожали друг другу руки, словно скрепляя какой-то достигнутый договор.

Натка встала, уступая Миронову место, а сама прошла к мужу.

– О чем вы разговаривали? – спросила она у Таганцева. – Для чего уединялись?

– Не скажу, – ответил Костя и поцеловал жену в ухо. – Это будет сюрприз. Мы с Виталием так договорились – сохранить его в тайне и от тебя, и от Лены.

– Подумайте, пожалуйста. – Натка обиженно надула губы, зная, впрочем, что Таганцева такими проделками не пронять. Сказывался оперативный опыт.

– Ты не устала? Может, пойдем? – вернувшийся на свое место Миронов предупредительно наклонился к Лене. – Если у тебя нет других планов, то можно поехать ко мне. Потренироваться в будущем родительстве, так сказать.

– Виталий, ты не обижайся, но я лучше поеду домой, – отказалась судья Кузнецова. – У меня завтра с утра важное заседание, хочу подготовиться, да и вообще, мне нужно подумать.

– Конечно, – с готовностью согласился Миронов. – Я понимаю, что я тебя ошарашил. Так что ты подумай. А я завтра с утра договорюсь насчет обследований.

– Там видно будет, – уклончиво сказала Лена. – Вы о чем с Костей шептались?

– Это наш маленький мужской секрет. – Миронов улыбнулся. – Я тебе обещаю, что вы с Наташей обо всем узнаете, просто чуть позже. И гарантирую, что сюрприз вам понравится.

– Да уж. Мне твои сюрпризы всегда нравятся, – усмехнулась Лена. – По сюрпризам ты просто мастер.

* * *

Спустя неделю Костя Таганцев торжественно объявил Натке, что покупатель на их квартиру найден. Так же как и новая квартира. Сделки по продаже и покупке недвижимости были назначены на один и тот же день. В результате семья Таганцевых переедет в новую четырехкомнатную квартиру с кухней-столовой в том же жилом комплексе «Мой РАЙ-ОН», в котором находилась «двушка», подаренная Мироновым Лене.

– Ты что?! Разве мы можем себе это позволить? – испуганно спросила Натка, когда Костя выложил ей новости. – Там наверняка огромная доплата. Ты уверен, что мы потянем ипотеку?

– Не понадобится нам никакая ипотека, – доложил Костя, сияя. – Я тебе расскажу, только пообещай сохранить это в тайне от Лены. Я дал честное слово Миронову, что ей не скажу. Он не хочет, чтобы она еще больше чувствовала себя обязанной из-за того, что он не только ей квартиру купил, но и нам помогает.

– Ты что? Взял у Миронова недостающую сумму? – вскинулась Натка.

– Нет, конечно, – успокоил ее Костя. – Просто Виталий хорошо знает застройщика. Его фамилия Занозин, я пробил по базам, он совершенно легальный и «белый» бизнесмен, ни в каком криминале не замешанный. Так вот он согласился отдать эту квартиру по себестоимости. Она последняя непроданная осталась, и он готов заключить сделку, чтобы больше ее не держать. А цена по себестоимости такая, что наших двух проданных квартир вполне хватает. И ремонт делать не надо, дом сдавался с чистовой отделкой, причем весьма приличной. Так что въезжай и живи.

– А когда можно посмотреть? – Глаза Натки загорелись в предвкушении. – Лена говорила, что от центра далековато, зато по МСД довольно быстро можно доехать и без пробок. А рядом Ботанический сад, можно с Настей гулять.

– Да. С детьми. – Глаза Кости тоже лукаво загорелись. – Завтра свожу тебя, обещаю, что тебе понравится. Там кухня-гостиная восемнадцать метров, представляешь? И еще целых четыре комнаты. Наша спальня, детям по отдельному пространству, и еще одна комната остается.

– Под гардеробную? – тут же спросила Натка.

– Под еще одну детскую, – улыбнулся Костя. – При такой жилплощади мы вполне сможем задуматься еще об одном ребенке. Нашем общем малыше. Только чур, помни уговор, Лене про помощь Миронова не говорим.

– Обещаю, – горячо согласилась Натка и бросилась Таганцеву на шею. – Я слишком хорошо знаю свою сестру. Начнет нудить, что это неправильно. Да так, что молоко скиснет. Кость, как же здорово все получается.

* * *

Майор Константин Таганцев сидел за столом в своем новом рабочем кабинете и внимательно изучал справку, подготовленную его коллегами-подчиненными. Посвящена она была деятельности крупного московского застройщика и девелопера Андрея Занозина, заложившего крупный жилой комплекс и уже счастливо сдавший другой – «Мой РАЙ-ОН», тот самый, в котором Таганцев покупал квартиру.

Подписание сделки было назначено на завтра, и у майора Таганцева оставался только один день, чтобы принять окончательное решение, стоит это делать или нет. Решение это зависело именно от репутации Занозина, поскольку последнюю квартиру в «Моем РАЙ-ОНе» он продавал Таганцеву по себестоимости взамен на небольшую услугу.

Об услуге Константина попросил Виталий Миронов, близкий друг Лены Кузнецовой. У того с Занозиным были какие-то общие дела, Костя не стал вникать, какие именно. По словам Миронова, Андрей Павлович был мужиком предельно честным, а заодно еще крайне неуступчивым, что в бизнес-среде, как известно, чревато неприятностями.

Мол, в прошлом был у Занозина какой-то крупный покровитель среди чиновников московской мэрии, а потому вопрос с землей под застройку решился быстро и без проблем. «Мой РАЙ-ОН» построили и сдали в срок, все работы выполнили качественно, жильцы остались довольны, а потому и новые его постройки должны были разлетаться как горячие пирожки. Вот только покровитель Занозина ушел то ли на повышение, то ли, наоборот, на пенсию, а вместе с ним канули в Лету и безоблачные времена.

Новая метла, как известно, по-новому метет. Занозину быстро дали понять, что правила игры изменились, а потому за возможность работать без проблем он должен регулярно и щедро платить. Такая постановка вопроса Андрею Павловичу не понравилась, поскольку коррупцию он искренне считал злом, а свой подход – строить быстро, качественно и относительно недорого – единственно правильным и возможным.

Платить он отказался, да еще и обозвал вымогателей государственными рэкетирами, за что тут же получил возбужденное против него уголовное дело, состряпанное в ответ на письмо каких-то там обиженных дольщиков. Откуда взялись эти дольщики, Занозин так до конца и не понял, однако выяснилось, что из-за постоянных проверок, насылаемых на его новый объект чиновниками, сроки сдачи первых двух домов в новом микрорайоне действительно сдвинулись, а скупившие в них квадратные метры люди, по странному стечению обстоятельств заключившие договоры долевого строительства в один день, тут же накатали с десяток жалоб, результатом которых и стало мгновенно возбужденное уголовное дело.

Обо всем этом Миронов рассказал Таганцеву на следующий день после того, как они все вместе съездили посмотреть новую квартиру, которую Косте предлагалось купить за не то чтобы смешные, но вполне себе реальные деньги. Предложение выглядело таким выгодным со всех точек зрения, что упускать его было глупо, вот только просьба помочь Занозину разобраться с его проблемами Таганцеву категорически не нравилась.

Нет, разумеется, проработав столько лет в органах внутренних дел, он понимал, как устроен окружающий мир. И то, что его коллеги крышуют бизнес, и то, что заводят уголов-

ные дела по указке сверху, для него не было новостью, вот только сам участвовать в подобных «мероприятиях» он наотрез отказывался.

Да, в правоохранительной системе беззакония и несправедливости не меньше, чем во всех остальных сферах общественной жизни, а может, даже и больше, но бороться с этой системой и плевать против ветра Таганцев не стремился даже тогда, когда был юн, горяч и одинок. Сейчас же, когда у него за плечами семья, на погонах майорская звезда, а на двери кабинета табличка, о которой он даже и не мечтал, строить из себя донкихота и вовсе глупо.

Однако одно дело закрывать глаза и проходить мимо того, в чем ты участвовать не хочешь, а другое – влезать в чужую разборку. И если этот самый Занозин – действительно «белый и пушистый», тогда помочь ему не стыдно, наоборот, это будет борьбой с беззаконием и откровенной «заказухой», которую Костя терпеть не мог.

Вот только «помогать по блату» он не любил тоже, потому что нутром чувствовал, что его используют. А тут получается, что еще и с его, таганцевской, корыстной пользой, и ему от этого становилось так тошно, что хоть бери и отказывайся от квартиры. Вот только сделать это было не так-то просто.

Квартиру своих родителей он продал уже месяц назад, сделка по Наткиной квартире тоже уже состоялась, и по договору они должны были освободить ее для новых жильцов всего через десять дней. За это время следовало определиться, куда, собственно говоря, переезжать с двумя детьми и всем домашним скарбом. И другого варианта, кроме «Моего РАЙ-ОНа», у них не было. А то, что было, не устраивало либо состоянием, либо местонахождением, либо ценой.

– Костя, ты пойми, чудак-человек, – сказал ему Миронов, с которым Таганцев поделился своими сомнениями, – я бы ни за что не стал втягивать тебя ни в какой криминал. Да что там, я бы не стал тебя просить, если бы в этой ситуации с Андреем было бы хоть что-нибудь сомнительное. Просто Занозин действительно стал у кого-то занозой в мягком месте. Вернее, я знаю, у кого, просто тебе говорить не буду. Меньше знаешь – крепче спишь. И связано это с тем, что Андрей – слишком честный. Он, как и ты, взяток не дает, на компромиссы с совестью не идет, вот в результате и страдает. От тебя же ничего особенного не требуется. Поговори со своими ребятами, обменяйтесь с ними информацией, помогите друг другу. Уголовное дело против Занозина шито белыми нитками, и это все понимают. Если ты поможешь его развалить, то все будет по закону и справедливости. Я тебя уверяю. В конце концов, помощь хорошему и честному человеку – это твой долг как правоохранителя. На новой должности тебе это вполне по силам, а заодно и свой жилищный вопрос решишь.

С одной стороны, Косте очень хотелось дать себя убедить, с другой, внутренний голос твердил, что стоит только один раз уступить, как от таких просьб потом будет не отбиться. Для начала он решил запросить все данные, которые есть по Андрею Занозину, чтобы принять решение, опираясь на факты. И вот справка лежала пе- ред ним.

В ней, как и говорил Миронов, все было довольно чисто, предсказуемо и скучно. Андрей Занозин никогда не был замечен ни в каких финансовых махинациях. Налоги платил исправно. Зарплату рабочим выдавал белую. С мигрантами на стройке не мухлевал. Материалы закупал качественные, технику безопасности соблюдал свято, дома сдавал в срок и без единой взятки. Видимо, это и раздражало мздоимцев больше всего.

Помимо нового жилого комплекса Занозин сейчас увяз еще в стройке крупного супермаркета в Подмосковье, а потому свободными деньгами, позволяющими ему нагнать упущенные сроки, в должной мере не обладал. Впрочем, отставание от графика не выглядело катастрофическим, и дольщики, написавшие жалобу, обманутыми в полном смысле этого слова считаться не могли. По большому гамбургскому счету, дело не стоило выеденного яйца, и его давно можно было закрыть, но не закрывали, а тянули, выматывая нервы в надежде, что неуступчивый Занозин сдастся, придет на поклон, откупится. А известно же, что тот, кто заплатил один раз, будет платить еще и еще.

Прочитав справку, майор Таганцев принял-таки решение. Он поможет Занозину, потому что по большому счету тем самым восстановит справедливость. Прав Миронов, этот человек – вполне себе легальный бизнесмен, и ничего криминального в помощи ему нет и не будет. А то, что в благодарность за это сам Таганцев сможет купить квартиру мечты по удобоваримой цене, так и в этом нет ничего плохого.

К концу дня он отдал все необходимые распоряжения подчиненным, а сам поехал домой, чтобы сказать жене, что завтра они подпишут договор купли-продажи и переедут в новую квартиру, укладываясь в нужные им сроки. О терзавших его до этого сомнениях Натка не знала, а потому известие восприняла спокойно, хотя и с радостью.

– Ой, Кость, как же здорово, – в который уже раз повторяла она. – Мне так хочется уже поскорее переехать. Я и вещи начала собирать, и в новый Настюшкин садик съездила.

– Это в который же? В тот, что на территории комплекса?

– Да. Там, конечно, с местами не очень хорошо, детишек много в микрорайоне, причем в основном как раз Настюшкиного возраста. Но заведующая сказала, что они стараются проблемы жильцов учитывать, так что что-нибудь придумают. Старый наш садик жалко, конечно, Настя только-только к нему привыкла, и воспитательница такая хорошая у нас. Но что поделать?

– А тебе самой не жалко переезжать? – спросил Таганцев с нежностью. – Все-таки ты в этой квартире с детства живешь. Она еще родителей твоих помнит.

– Немножко жалко, – призналась Натка. – Но, во-первых, квартира слишком тесная, да и старая. Одними косметическими ремонтами и переклейкой обоев тут не отделаться, а на большой ремонт деньги тратить жалко. А во-вторых, у меня такое чувство, что я этим шагом заканчиваю обновление. Понимаешь?

– Нет.

– Ну, у меня вся жизнь поменялась, причем так круто, что уши на виражах закладывает. Я замуж вышла, Настю удочерила, все поменялось, даже я сама стала какая-то другая, новая. Так чего за квартиру цепляться? Пусть и вид из окна будет совсем другой. Окончательно новый. Теперь понятно?

Костя открыл было рот, чтобы сказать, что приключившаяся сразу после Нового года история с манзанийским турне, где Натка очутилась в тюрьме и только благодаря Лене не пожизненно, яркое доказательство того, что его жена – все та же, но благоразумно промолчал. В конце концов, в той истории он тоже выглядел не лучшим образом. Сначала отпустил Натку в Манзанию, не удосужившись проверить тамошнюю политическую обстановку, а потом еще и выручать ее отправил Лену, сам не поехал. Конечно, от судьи Кузнецовой благодаря ее мозгам и связям, а также деньгам Миронова толку было больше, да и не мог Костя выехать за границу, запрещено ему это, но факт оставался фактом.

– Костя, а когда уже можно будет Лене сказать, что мы покупаем квартиру в ее же доме? – спросила жена. – Я молчу, как ты велел, но у меня уже терпение на исходе.

– Вот завтра сделка состоится, и можешь сказать, – разрешил Таганцев. – Скажешь так, как мы решили. Что ты съездила посмотреть ее квартиру, впечатлилась удобствами микрорайона, а когда мы принялись наводить справки, выяснилось, что есть подходящая нам квартира. Цена нас устроила, вот мы ее и купили.

– А что, пожалуй, Лена поверит, – задумчиво проговорила Натка. – Это звучит вполне логично, а для моей сестры логика – царица наук. Ей даже в голову не придет, что Виталий нам нашел эту квартиру. Она же считает, что он только о ней одной думает.

– Вот и хорошо, – улыбнулся Таганцев.

Как и ожидалось, Лена к новости, что теперь они будут соседями, отнеслась с энтузиазмом.

– Это же отлично, Натка! – воскликнула она. – Дом прекрасный, и жилой комплекс удобный, а у Кости еще и работа новая неподалеку, «Мой РАЙ-ОН» как раз в Северо-Восточном округе находится. Я очень за вас рада. Вы как с деньгами выкрутились? Ипотеку пришлось брать?

– Нет, нам средств, вырученных за продажу двух квартир, хватило тютелька в тютельку. Квартира оказалась последняя, ее нужно было быстро продать, так что застройщик сделал приличную скидку. А наши две квартиры, хоть и старые, но все-таки ближе к центру, так что продали мы их выгодно.

– Вот и хорошо. – В голосе Лены звучала радость за сестру, и Натке стало немного неудобно, что она ее обманывает, пусть и в малости.

Точнее, почему обманывает? Просто не говорит всей правды. А так она ни словечка не соврала. Им действительно денег от двух квартир тютелька в тютельку хватило.

– Знаешь что, давай будем новоселье вместе отмечать, – предложила она, добавив в голос энтузиазма, чтобы скрыть невольно охватившую ее неловкость. – Ты когда планируешь переехать?

– Право слово, не знаю. Я, конечно, большую часть вещей уже перевезла. Раскладываюсь потихоньку. – Сестра вздохнула. – Просто на работе столько дел накопилось, что я совсем поздно домой прихожу, просто сил нет коробки паковать. Да еще обследования эти…

– Какие обследования? – Натка вдруг перепугалась. – Ты что, плохо себя чувствуешь?

– Нет, все в порядке. – Лена замялась, и это было совсем на нее непохоже. – Просто Виталий так и не оставил эту тему с рождением ребенка и, как человек ответственный, настоял на том, чтобы мы оба прошли комплексное обследование. Генетический анализ, все такое. Мы уже оба не слишком молоды, чтобы становиться родителями с бухты-барахты.

– Не зна-а-ю, – с сомнением протянула Натка, – все-таки в этом деле больше Божьего промысла, чем рациональности. Конечно, здоровье проверить никогда не лишнее, так что тут я ЗА. Но во всем остальном… Вы еще температуру мерить начните перед тем, как в кроватку отправиться. На мой взгляд, любовь все-таки дело спонтанное.

– На твой взгляд, все в жизни дело спонтанное. – Лена рассмеялась. Грустные нотки из ее голоса пропали, как и не бывало. – Натка, я пока про ребенка ничего не решила, и это слишком ответственное дело, чтобы я пускала его на самотек.

– В двадцать лет ты так не считала, да я тоже. И, как показал результат, это не так уж и плохо. Сашка у тебя замечательная, и Сенька у меня тоже.

– Разумеется. Но когда вы с Таганцевым решили удочерить Настю, то подошли к этому делу ответственно, системно и разумно, – возразила Лена. – Если бы в двадцать лет у меня была моя нынешняя голова, то вся жизнь сложилась бы иначе. Вот только Сашки бы в ней не было, так что я ни о чем не жалею. Впрочем, сейчас мы говорим не об этом, а о переезде. Я потихонечку к нему готовлюсь, тем более что Сашка спит и видит, что это произойдет. Ей не терпится, чтобы Фома перевез к нам свои вещи и они заняли мою спальню. В детской комнате ей уже не комильфо.

– Растут дети, – философски заметила Натка. – Может, и зря мы приняли решение расширяться. Перетерпели бы как-нибудь, зато потом подросшего Сеньку было бы можно отселить в Костину квартиру.

– Натка, ты бесподобна. – Лена звонко рассмеялась. – Арсению еще десяти лет нет, перспектива его отселения настолько отдаленная, что сейчас об этом точно можно не думать. Зато у тебя наконец-то будет просторная кухня, и у всех по комнате. Перестанете сидеть друг у друга на головах. Даже не верится, что вы смогли получить такие шикарные условия, не влезая в кредиты. Просто сказка какая-то. А уж если добавить к ней подаренную мне квартиру, так и вообще. И как так совпало?

Разговор опять сворачивал на опасную дорожку, поэтому Натка сочла за лучшее распрощаться.

– Все, пока, я побежала, мне нужно полосу доверстать, пока меня начальник не убил. Мы теперь вечерами будем вещи перевозить на новую квартиру. Старую нам освободить нужно уже совсем скоро. На выходные Костя грузовые машины заказал, чтобы мебель увезти, а пока мы мелочи всякие своими силами перетаскиваем. Лена, ты, может быть, хочешь с родительской квартирой попрощаться. Все-таки там и твое детство прошло, а мы ее продали.

– Натка, не ерунди, – сердито сказала Лена. – Что за глупая сентиментальность. Продали и продали. Это была твоя квартира, мы много лет назад так решили. Все, проехали. Новая страница перевернута. И у тебя, и у меня.

Спустя несколько дней большая и дружная семья Кузнецовых-Таганцевых переехала в свою новую квартиру. В погрузке-разгрузке весело участвовали Костины друзья и коллеги, так что тяжелую мебель и коробки перетаскали дружно и быстро. Маленькую Настю, чтобы не путалась под ногами, отвезли в деревню к Сизовым, хотя она больше всех с нетерпением ждала, когда же можно будет переехать в новую квартиру, где у нее будет «совсем своя» комната.

Сенька и Сашка с азартом носили то, что полегче, а Санька еще при этом, разумеется, снимала репортаж с места событий, показывая своим подписчикам красоты жилого комплекса «Мой РАЙ-ОН». Стояла чудесная майская погода – теплая и солнечная. Нежная листва придавала и без того ухоженной территории дополнительной красоты. Подписчики бодро оставляли позитивные комментарии к ведущемуся знаменитым блогером стриму.

Минут через двадцать после начала к Натке, караулящей коробки у подъезда, подошли двое представительных мужчин лет сорока.

– Здравствуйте, – сказали они. – Вы – новые жильцы? Давайте знакомиться.

– Зачем мне с вами знакомиться? – удивилась Натка лениво. – Меня в детстве учили не заводить уличные знакомства.

– Да мы не в этом смысле, – засмеялся один из мужчин. – Мы исключительно по делу.

– А если по делу, то сейчас мой муж спустится и с вами познакомится, – сообщила Натка, решив сразу расставить все точки над i.

– Можем и с мужем, конечно, – тут же согласился мужчина. – А лучше с вами обоими.

– Ребята, какие-то проблемы? – К ним подошел Костя, спустившийся за очередной партией груза и с первого же взгляда оценивший обстановку. Вот что ты будешь делать, если у тебя жена – красавица. На пять минут нельзя одну оставить.

– Проблем нет, и надеемся, что не будет, – ответил второй мужчина. – Разрешите представиться, мы руководители местного ТСЖ. Аркадий и Ванадий Клюшкины. Как легко догадаться, мы – братья. Я – Аркадий, председатель правления, а Ванька – мой заместитель.

– Что такое ТСЖ? – спросила не продвинутая в вопросах жилищно-коммунального хозяйства Натка.

– Товарищество собственников жилья. Такая форма управления многоквартирными домами во всем комплексе была принята на учредительном собрании владельцев жилых и нежилых площадей. С тех пор мы руководим всеми процессами по управлению жизнью комплекса. Так как вы теперь члены нашей дружной семьи, то мы и подошли представиться и отдать вам визитки со всеми нашими координатами. Если что-то случится, то всегда звоните. Мы – местная скорая помощь по протечкам и другим бытовым бедам.

– И часто они случаются? – спросил Таганцев.

Он смотрел на братьев оценивающе, и по его взгляду Натка видела, что Клюшкины ему почему-то не нравятся. Впрочем, это было как раз понятно. Оба брата были высокими, импозантными, довольно спортивными и на саму Натку смотрели с мужским интересом.

– Кто?

– Бытовые беды? Вроде как не должны, дома-то новые совсем. Два года всего.

– А, в этом смысле, – понял Ванадий, – нет, проблем у комплекса действительно немного, застройщик тут хороший. Построено качественно, так что облупиться и посыпаться ничего не успело. Ну, и мы стараемся, конечно. Так сказать, предвосхищать особые проблемы. Превентивные меры принимаем. Вы же, как сотрудник правоохранительных органов, не можете не знать, что они – самые правильные.

Таганцев напрягся.

– Откуда вы знаете, где я работаю? – строго спросил он.

Аркадий Клюшкин рассмеялся и хлопнул Таганцева по плечу. Такой фамильярности Костя не терпел, поэтому плечом своенравно дернул.

– Ну, мы всегда стараемся быть в курсе того, кто купил тут квартиру, – заявил Клюшкин-старший примирительно. – Говорю же, все жильцы комплекса – это одна большая семья. К медикам всегда можно обратиться за консультацией, ну, или там укол сделать, или давление померить. Пожилые одинокие женщины иногда с удовольствием с детишками чужими остаются, если родителям куда надо. Есть жильцы, которые могут быстро лампочку поменять или карниз повесить. Да вы сами все увидите. В визитке, что мы вам дали, есть и адрес нашего сайта, и общедомовой чат, в котором все эти вопросы быстро решаются.

– Только общедомового чата мне не хватало, – горестно вздохнула Натка. – Мало мне школьного и детсадовского. Там, где мы жили, такого и в помине не было.

– Значит, у вас там не ТСЖ было, а управляющая компания, – парировал Ванадий. – А чужие люди никогда за ваше имущество и комфорт, как за свое, отвечать не будут. Вот поживете и, как говорится, почувствуете разницу. Вот, держите визитку.

– Да, спасибо. – Натка взяла плотный картонный четырехугольник и опустила его в карман. – Меня зовут Наталья. Это мой муж Константин. И еще у нас двое детей. Сын Арсений и дочь Настя.

– Дети у вас чудесные, – улыбнулся Аркадий. – Мальчик такой послушный, помогает родителям с переездом. А дочка, оказывается, известный блогер. Успела уже нашему комплексу рекламу сделать. Стрим ведет, столько отзывов.

Таганцев видел, что информация о том, что новые жильцы имеют отношение к блогерству, братьям Клюшкиным явно не нравилась. Словесно они выражали восторг, но взгляд у обоих был цепкий, внимательный.

– Нет, Саша – не наша дочь, она моя племянница, – безмятежно пояснила Натка, никакого несоответствия не замечающая. – Нашей Насте три года. А Саша здесь жить не будет, только появляться временами. Дело в том, что в соседнем подъезде расположена квартира моей сестры. Она переедет в ближайшее время. А Саша останется в старой квартире.

– Да, понимаю, большая девочка уже. Личная жизнь, все такое. – Аркадий заметно расслабился от известия, что блогер Александра Кузнецова будет осчастливливать их своим присутствием нечасто. – Ладно, приятно было познакомиться, обращайтесь, если что-то будет нужно. Счета на оплату коммунальных услуг мы разносим с десятого по двенадцатое число каждого месяца. Оплату убедительно просим не задерживать, потому что от ее своевременности зависит размеренная и спокойная жизнь всего комплекса. За рекламу вашей племяннице передайте отдельное спасибо. Доброе слово, знаете ли, и кошке приятно.

Братья Клюшкины попрощались и отошли. Таганцев, убедившись, что его жене ничего не угрожает, включая слишком назойливое мужское внимание, вернулся к своим делам, но Натка не успела заскучать, потому что к ней подошла новая собеседница, благообразная дама лет за семьдесят, одетая весьма модно: в бархатный спортивный костюм ядовитого салатового цвета и в кроссовки.

– Новенькие? – спросила она, впрочем, довольно благожелательно.

– Да. Из 477-й квартиры, – сказала Натка, внутренне тяжело вздохнув.

Не любила она пустые разговоры с незнакомыми людьми, вот что ты будешь делать.

– А акробаты чего хотели?

– Какие акробаты? – удивилась Натка.

– Да Клюшкины. Их все жильцы так зовут. Два брата-акробата.

– А-а-а-а, – протянула Натка, поражаясь причудливости народной молвы. Какое отношение, казалось бы, акробатика имеет к этому, как его? ТСЖ, вот как. – Познакомиться хотели. Визитную карточку дали, чтобы мы в случае нужды к ним обращались.

– Ну да, как же! – Дамочка энергично фыркнула, словно лошадь на водопое. – К ним обращаться – последние деньги отдать. И так без штанов каждый месяц оставляют, так еще и норовят дополнительную мзду получить.

– Почему без штанов?

– Да потому что платежки у нас тут такие приходят, что поневоле думаешь, на чем потом экономить – на еде или на лекарствах. Оно, конечно, понятно, бедные люди квартиры в новых домах не покупают, но все же здесь и молодые семьи с детьми живут, не олигархи какие. А чего не жить, если государство ипотеку дает под неплохой процент, да еще и материнский капитал выплачивает, который в жилье вложить можно. Вот в наше время…

Слушать про «наше время» Натка решительно не хотела. Понятно, что раньше и деревья были большие, и трава зеленая, и пломбир по двадцать копеек. А главное – все это приходилось на то прекрасное время, когда дама была молодой девушкой и женщиной, беззаботной, красивой и счастливой. И обсуждать все это Натке, которой выпало быть молодой, красивой и счастливой именно сейчас, было скучно.

– Вы простите, мне идти надо, – перебила она соседку. – Меня муж ждет. Саша, Сеня, – прикрикнула она в сторону бродящей чуть в стороне с селфи-палкой племянницы и сына, – посторожите вещи, я поднимусь наверх, посмотрю, долго ли еще ребятам все по комнатам растаскивать. Или можно стол накрывать, кормить работников.

– Ну, иди, – милостиво разрешила дамочка. – Меня, кстати, Кларой Захаровной зовут. Из 422-й квартиры я. Если надо будет что спросить или соль кончится, ты заходи по-простому, по-соседски, не стесняйся. А с акробатами не шуткуй, от них ничего, окромя неприятностей, не получишь. Только и делают что людей дурят. Мы уж боремся-боремся, а сделать ничего не можем. А все почему? Потому что люди по одному держатся, в стаю не сбиваются, объединиться для решения общей проблемы не хотят. Да и некому народ-то объединять. Нет такого человека.

– «Настоящих буйных мало, вот и нету вожаков»[3], – пробормотала Натка, к месту вспомнившая Высоцкого. – Всего доброго, Клара Захаровна.

Спустя полтора часа все вещи были занесены в квартиру и расставлены по местам, стол накрыт, заранее приготовленная еда разогрета, бутылки откупорены, бокалы наполнены, а добровольные помощники, превратившиеся просто в гостей, расселись вокруг большого круглого стола – первой покупки, которую Таганцевы сделали в новую квартиру.

Натка всегда мечтала именно о таком столе, за которым без труда можно было рассадить двенадцать человек. В ее старой крошечной кухоньке мечта казалась несбыточной, а здесь, в восемнадцатиметровой комнате стол смотрелся весьма органично, прекрасно дополняя собой кухонный гарнитур, подаренный на новоселье Мироновым. Тоже втайне от Лены, разумеется.

Костя хмурился, ему не нравились такие подарки, но Натка была в таком восторге от белоснежного гарнитура, включающего в себя все необходимые хозяйке опции, что Таганцев только крякнул и принял подарок, понимая, что сам позволить себе такое не может. Все его накопленные деньги ушли на бытовую технику, но к переезду гарнитур дополнился и вароч-

[3] Цит. из «Письма в редакцию телепередачи «Очевидное невероятное» из Канатчиковой дачи» Владимира Высоцкого (1977).

ной поверхностью, и духовым шкафом, и вытяжкой. Холодильник, микроволновку и чайник перевезли старые.

Когда гости ушли, Натка принялась за посуду, мечтая о том, что когда-нибудь поменяет на новое все, включая тарелки. Когда-нибудь, но не сейчас. Ипотеку им брать не пришлось, на новом месте работы у Кости зарплата заметно больше, так что при разумном подходе, может, и удастся купить то, что хочется. Правда, придется им в этом году обойтись без совместного отпуска. При слове «отпуск» у Натки до сих пор начинал дергаться правый глаз, поскольку сразу вспоминалась клетка в манзанийской тюрьме. Нет уж, спасибо, лучше без отпуска, а с новым холодильником и большим телевизором, способным выходить в интернет.

Надо бы сесть и в спокойной обстановке расписать все траты, чтобы понимать, что они могут себе позволить, а без чего пока придется обойтись. На носу лето, а значит, Сеньку неплохо бы отправить в лагерь. Конечно, все прошлые каникулы он прекрасно проводил в деревне под приглядом Сизовых, но в этом году сын попросился в загородный лагерь с IT-направленностью, и новое направление его увлечения в будущем могло оказаться очень полезным, уж точно перспективнее модельного агентства. Смена стоит недешево. Да, надо все хорошенько продумать.

– Кость, – спохватилась вдруг Натка, вспомнив говорливую соседку. – А ты знаешь, какой тут размер коммуналки? Ко мне дамочка одна подошла, напугала, что очень большой. А вдруг так получится, что мы не сможем себе таких платежей позволить.

– Да ну, Наташ, не ерунди, – отмахнулся Таганцев. – Коммунальные платежи по всей Москве примерно одинаковые. Их же не с потолка берут, а нормативными актами устанавливают. Конечно, тут коммуналка побольше будет, потому что метраж квартиры совсем другой, не тот, к которому ты привыкла. Но свобода в прямом смысле дорогого стоит, тем более что раньше я за родительскую квартиру тоже коммуналку платил, а сейчас вместо двух трат у нас только одна осталась. Уж потянем как-нибудь.

– Ладно, – согласилась Натка. Костина логика всегда ее успокаивала. – Просто так хочется сделать квартиру уютной и удобной, сил нет. Я даже никогда и не мечтала, что у меня может быть такая прекрасная квартира.

– И ничего она не прекрасная, – в кухню вошел Сенька, которого до этого долгое время было не видно и не слышно. Подсобив с перетаскиванием вещей и быстро поев, мальчишка укрылся в своей комнате. Натка думала, что он устал. – Зря мы сюда переехали. Я обратно хочу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.